

Ключевые слова: архетип женского начала, анимус, архетипический образ, украинская народная сказка.

Summary

The article deals with the personification of the animus as a principle of the Logos in the Ukrainian folk fairy-tale in connection with the study of representations of the feminine archetype in Ukrainian mythological and poetic tradition.

Keywords: feminine archetype, animus, archetypal image, Ukrainian folk fairy-tale.

УДК 821.161.1 (Довлатов С.)

Прядко Ю.П.,
аспирант,
Бердянський державний
педагогічний університет

АМЕРИКАНСКИЕ СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА С. ДОВЛАТОВА

С. Довлатов – один из ярких представителей литературы русского зарубежья. Вынужденная эмиграция писателя определила не только его сложную личную судьбу, но и судьбу его произведений.

В конце 90-х годов XX столетия в литературоведении актуализировался интерес к личности и творчеству прозаика, что стало предметом многих научных исследований. Был опубликован ряд книг мемуарно-биографического характера: А. Коваловой и Л. Лурье “Довлатов”, А. Пекуровской “Когда случилось петь С.Д. и мне”, В. Соловьёва и Е. Клепиковой “Довлатов вверх ногами”, Е. Рейна “Мне скучно без Довлатова”, Л. Штерн “Довлатов – добрый мой приятель”, В. Алейникова “Довлатов и другие”, В. Попова “Довлатов”. Эти работы включают воспоминания друзей писателя, раскрывающие не только отдельные факты его биографии, но и атмосферу эпохи, о которой он писал. Определённый интерес представляют статьи Е. Рейна, А. Наймана, С. Вольфа, А. Арьева и др.: авторы анализируют художественно-эстетические взгляды С. Довлатова, его творческую индивидуальность и особенности стиля.

Несмотря на большое число публикаций разных жанров, посвящённых жизни и творчеству С. Довлатова, отдельные факты биографии писателя остаются недостаточно изученными. И прежде всего это касается американских страниц жизни С. Довлатова. Поэтому **цель** нашей статьи – обобщить и систематизировать материалы, раскрывающие сложную и неоднозначную атмосферу американской действительности, в которой жил и творил прозаик, проблемы адаптации писателя в условиях эмиграции, сохранения своей творческой индивидуальности и стиля.

Анализ литературы по данной теме позволил определить, что решение эмигрировать прозаик принял не сразу. Однако те условия, которые создавались на родине – отказ таллиннского издательства “Ээсти раамат” (“Эстонская книга”) выпустить уже набранный сборник “Пять углов”, невозможность печататься в советских журналах, уничтожение по распоряжению КГБ набора первой книги

“Компромисс”, исключение из Союза журналистов СССР, арест и пребывание в тюрьме – не оставляли С. Довлатову выбора, и он вынужден был эмигрировать.

Для представителей третьей волны русской эмиграции своеобразной “пересылкой” была Вена. И для С. Довлатова этот город тоже стал “промежуточным пунктом”, предпоследней остановкой по дороге в Америку. “И если для кого-то пребывание в Вене, – пишет Е. Довлатова, – было моментом мучительных раздумий о том, какое принять решение, куда ехать, в какую часть света, то для Довлатова колебаний не было. Он ехал “воссоединяться” с семьёй” [1, 194].

Живя в Вене, прозаик строил планы: собирался поступать в аспирантуру, найти работу по специальности, совершенствовать английский язык, издавать свои новые и старые произведения. Подтверждение этому мы находим в его письмах из Вены, адресованных жене: *“Я знаю, что литературой не прокормишься. Об аспирантуре думаю. Но откуда трудно думать. Приеду – разберусь. Самая общая перспектива такова. Идеально было бы найти работу, близкую к литературе или журналистике <...>. Можно что-то преподавать. Можно работать корректором. Не знаю ... Аспирантура тоже вариант. Но я же все еще не знаю языка. Хоть и занимаюсь. Но это, повторяю, вариант. Думаю я и о таком пути. Заниматься год неквалифицированной работой. Физической, например. Чтобы совершенствоваться в языке. Параллельно издавать старые и новые вещи, искать дорогу в американскую периодику”* [1, 199]. Но главным для писателя было ощущение свободы и благополучия, ощущение жизни на воле. *“У меня, – как он сам признавался, – возникло, точнее – реставрировалось ощущение будущего, ощущение перспективы. Не знаю, что будет год спустя. Сейчас я на воле, обут, пишу. Есть возможность печатать лучшее из написанного. Впереди что-то неожиданное, реальное”* [10, 219].

С. Довлатов со своими родными приехал в Америку зимой 1979 года. Семья поселилась в районе Форест Хиллс, в Квинсе, где жили в основном русские эмигранты.

Следует отметить, что не всем планам писателя суждено было сразу осуществиться. Первое время С. Довлатову, как и другим писателям-эмигрантам, пришлось столкнуться с множеством бытовых проблем. Мысли о литературе отошли на второй план, более того, писатель не знал, с какого боку к ней здесь подступиться. Вначале С. Довлатов ходил на ювелирные курсы в Манхэттене, позже – “загорелся на сильно денежную, по его словам, работу швейцара – в пунцовом мундире с галунами, в роскошном отеле Манхэттена” [2, 91]. Год он прожил в Нью-Йорке, “как заблудившийся человек” (Е. Клепикова), который не знает, в какую сторону надо выбираться.

В 70-е годы в Америке была лишь одна русская газета – “Новое русское слово”. По словам Е. Довлатовой, “этого было недостаточно, тем более что она не вполне удовлетворяла требованиям новых эмигрантов из России, которых в Нью-Йорке было великое множество” [4, 362]. Беженцам из России нужна была совсем другая газета: у них были иные запросы и иные критерии. Именно такой газетой и

становится “Новый американец”, основанный Б. Меттером, О. Орловым, Е. Рубиным и присоединившимся к ним С. Довлатовым. На издание газеты бизнесмен из Нью-Джерси А. Голдберг выдал ссуду в двенадцать тысяч долларов. Впоследствии он будет значиться в составе руководителей, что послужит причиной немислимых слухов и домыслов.

Первое упоминание о газете встречается в письме С. Довлатова И. Ефимову, русскому литератору-эмигранту, долгое время с которым С. Довлатов пребывал в дружеских отношениях, от 22 марта 1979 года: *“В Америке создаётся новая газета. Вероятно, я буду иметь к ней отношение. <...> Нынешние русские газеты обращены к эмиграции вообще. В поле их зрения Россия, главным образом. Новая газета обращается к третьей эмиграции, к людям, приехавшим навсегда, пытающимся найти своё место в американской жизни. В поле зрения новой газеты – Америка <...>. Читатели здесь есть. Неудовлетворённость русской прессой огромная. Деньги на издание есть. Дают богатые американцы <...>. Всё это очень серьёзно, я даже удивился. Разумеется, деловой стороной занимаюсь не я. <...> Газета будет выходить на двадцати четырёх полосах <...>. Раз в неделю. Условное название – “Новый американец” [6, 17–18].*

Из переписки с И. Ефимовым становится понятным увлечение С. Довлатова новой работой – созданием еженедельника. Так он признаётся: *“Я целиком погрузился в эту затею с головой. Дело очень серьёзное и перспективное <...>. Я буду вести литературную страницу <...>. Газетные дела продвигаются. Купили чудную печатную машину и сняли офис <...>. Заказали телефон, визитки, бланки и прочую канцелярщину <...>. В общем – начали <...>. Будем выживать. Газета профитная. То есть – наша собственность. Творческая часть пока работает бесплатно <...>. Если наша газета лопнет через три месяца, всё равно это будут самые счастливые три месяца моей жизни” [6, 44–45].*

В процессе работы над созданием газеты возникли сложности, и как результат – в запланированный день газета не вышла. Американский опыт давался С. Довлатову тяжело.

Первый номер еженедельной эмигрантской газеты “Новый американец” всё-таки увидел свет 8 февраля 1980 года. По этому поводу писатель признаётся в письме И. Ефимову: *“Газета вышла. Продаётся в неожиданном темпе. В пятницу утром – 4500. Мы заказали ещё две тысячи. И сразу же продали. Из всех русских мест звонят: “Пришлите хоть сто экземпляров. А то разнесут магазин” [6, 74–75].* После выхода первых номеров “Нового американца” приподнятое настроение не покидает С. Довлатова: ведь газета живёт, несмотря на неудачи и трудности, а это для него – главное.

Работая над последующими номерами еженедельника, редколлегия учла недостатки первого и тщательно готовилась к выпуску каждого нового номера. Тираж неуклонно увеличивался, улучшалось качество, поэтому закономерно, что газета пользовалась популярностью у русских эмигрантов.

Вскоре главным редактором становится С. Довлатов. Меняется состав редакции: в газете появляются новые сотрудники, перешедшие из “Нового Русского Слова”.

Результатом плодотворной работы членов редколлегии становится первая встреча с читателями (май 1980 года). Впоследствии такие встречи, получившие название “Выездные заседания редколлегии”, становятся регулярными и пользуются большим успехом. Проходят они в разных штатах и городах, а отчёты о встречах публикуются на страницах “Нового американца”. Газету выписывали в Нью-Йорке, Бостоне, Филадельфии, Лос-Анжелесе, Чикаго, а так же в Канаде, ФРГ, Израиле, Швеции. Каждую неделю появлялось примерно 40–60 новых подписчиков. Популярность “Нового американца” выходит за рамки русскоязычной общины: газету выписывают высшие учебные заведения США в качестве пособия для студентов, изучающих русский язык.

Работа журналиста всё больше увлекает С. Довлатова. Так, в “Новом американце” появляются “колонки редактора”, которые он ведёт, кроме этого, в печати выходят его статьи, эссе, беседы с известными людьми.

“Колонки редактора” в значительной степени определяли лицо газеты и создавали атмосферу участия читателя в её жизни. “Довлатов, – отмечает Н. Аловерт, – начал писать в “колонках редактора” вещи немыслимые для читателей, привыкших к значительности безликих, клишированных сообщений первых полос советских газет. Главное в его манере – это была интонация, основанная на не подлежащем сомнению доверии к читателю, интонация человека, с которым не стыдно поговорить о любом занимающем сегодня твое воображение предмете. В том числе о полнейших пустяках, о мелочах эмигрантского быта” [7, 498–499]. Об особенностях довлатовских “колонок редактора” пишут А. Орлова и М. Шнеерсон: “Не говоря о лёгкости и изяществе довлатовского стиля, об очаровательном юморе, в колонках редактора привлекал читателей тон непринуждённой беседы с друзьями за чашкой чая, – тон ни до, ни после не звучавший ни в одной газете. Колонки редактора придавали особую тональность и всему еженедельнику” [5].

Однако, несмотря на успех и любовь читателей, не всё было гладко в работе “Нового американца”: начались конфликты внутри коллектива, и одна из причин – неумение найти общий язык и выслушать мнение другого. Но к краху газеты привела другая причина – коммерческая несостоятельность его создателей: постоянная нехватка денег, на которые газета могла бы спокойно существовать, отсутствие квалифицированного бизнес-менеджера, работа сотрудников практически на голом энтузиазме и неумение руководства вести финансовые дела. Б. Меттер ничего не понимал в американском бизнесе, и как следствие – постоянные ошибки и просчёты. Кроме того, целевая аудитория “Нового американца” была небольшой: газета была сугубо этнической, а внутри этого замкнутого рынка “Новое русское слово” было очень сильным конкурентом. Безусловно, все эти факторы не могли не повлиять на судьбу газеты.

Последний конфликт, который привёл к распаду “Нового американца”, был связан именно с финансовым вопросом: руководство издания обвинили в воровстве и попытке продать еженедельник. *“Положение в газете тяжёлое, – писал С. Довлатов И. Ефимову, – дружба с администрацией трещит по всем швам, Меттер окружил себя проходимцами <...>. Вообще, нашу контору разрывают всяческие страсти, в основе которых лежит затянувшаяся бедность”* [6, 145–146]. Отношения в газете настолько обострились, что писателю предложили уйти с поста главного редактора издания и остаться лишь в качестве редактора отдела литературы. С. Довлатов предложение принял.

В этот период, как отмечают А. Орлова и М. Шнеерсон, “некая “богатая корпорация” предложила С. Довлатову вместе с основными сотрудниками создать новый еженедельник, который она обещала финансировать” [5]. Переговоры с новым хозяином вёл сам писатель, и когда они увенчались успехом, с ним ушли из “Нового американца” ещё семь человек. С. Довлатову удалось договориться об издании под его редакцией альтернативного еженедельника “Новый свет”, первый номер которого вышел как продолжение “Нового американца”. Новая газета открывалась обращением к читателям: назывались причины ухода многих сотрудников из “Нового американца” и необходимость организации еженедельника “Новый свет”, при этом редакция заявляла, что новая газета – “это всё тот же “Новый американец”, сохранивший свои достоинства и освободившийся от многих недостатков” [5].

Еженедельник “Новый американец” не прекратил своего существования при всех трудностях, выпавших на его долю, и вышел с недельным опозданием под таким же номером. Начались взаимные обвинения, и это привело к тому, что только вышедший “Новый свет” просуществовал два месяца, а старый “Новый американец” “продержался на плаву” ещё более двух лет.

Из одиннадцати лет, которые С. Довлатов провёл в эмиграции, два года он отдал газете и считал их лучшими в своей жизни: за это время, кроме журналистских материалов, прозаик опубликовал свои рассказы, статьи, доклады, прочитанные на нескольких конференциях славистов. Многие рассказы, позже вошедшие в книгу “Наши”, были впервые опубликованы именно в газете.

Таким образом, еженедельник “Новый американец” с первых и до последних дней своей публичной жизни привлекал внимание и читателей, и профессионалов: о еженедельнике писали в американской прессе, была сделана передача на четвёртом канале американского телевидения, были сняты фильмы немецкой и шведской киногруппами. Большая заслуга в таком признании и популярности, безусловно, принадлежит С. Довлатову.

Новая страница жизни писателя в эмиграции связана с публикацией его произведений в самом престижном американском журнале “Нью-Йоркер” и вхождением в американскую литературу. Журнал “Нью-Йоркер”, основанный газетчиком Гарольдом Россом в 1925 году, быстро приобрёл славу самого остроумного и изящного журнала в Америке. Издание с самого начала было

ориентировано на прозу, отличающуюся тонким юмором и отточенным стилем. Здесь печатались Э. Хемингуэй, Ф.С. Фитцджеральд, Дж. Апдайк, И. Шоу, Дж.Д. Сэлинджер. "То, что Довлатов, опубликовавший в "Нью-Йоркере" десять рассказов, в одном ряду с этими авторами, не должно показаться слишком удивительным: его проза идеально вписывалась в художественный облик журнала", – отмечает А. Ковалова [4, 349].

С. Довлатов "пришёлся ко двору" редакции журнала, так как его юмор – это *"юмор интеллигента, литератора, журналиста – уже сам по себе близок профилю "Нью-Йоркера" <...>. Журналу очень импонировала манера письма С. Довлатова – ненавязчивая, сдержанная, мягкая, его грациозный юмор, отточенный стиль"* [8].

Благодаря И. Бродскому, С. Довлатову удалось найти квалифицированного переводчика своих произведений на английский язык – Энн Фридман. По словам жены писателя, он заключил с ней сделку и обязался отдавать переводчице половину всех своих гонораров, вне зависимости от того, переведёт она книги или нет. С. Довлатов считал, что навсегда обязан Э. Фридман за то, что она помогла ему войти в американскую литературу: ведь благодаря этим переводам, рассказы писателя принял к публикации журнал "Нью-Йоркер", который до того из русских эмигрантов печатал только В. Набокова и И. Бродского.

В "Нью-Йоркере" с 1980 по 1989 года были напечатаны такие рассказы С. Довлатова, как "Юбилейный мальчик", "Чья-то смерть и другие заботы", "По прямой", "Мой старший брат", "Полковник говорит – люблю", "Дядя Арон", "Дядя Леопольд", "Отец", "Фотоальбом" и "Шоферские печатки". Кроме того, произведения русского прозаика выходят на страницах известных американских журналов "Партизан Ревью", "Харперз Мегезин" и "Гренд Стрит". Публикации в столь престижных изданиях принесли С. Довлатову известность. Его книги на английском языке печатают одну за другой: "The Invisible Book" – Ann Arbor: "Ardis", 1978 г.; "The Compromise" – New York: "Alfred A. Knopf, Publisher", 1983 г.; "The Zone. A Prison Camp Guard's Story" – New York: "Alfred A. Knopf, Publisher", 1985 г.; "Ours. A Russian Family Album", New York: "Weidenfeld and Nicolson", 1989 г.; "The Suitcase" – New York: "Grove Weidenfeld", 1990 г.; "A Foreign Woman" – New York: "Grove Weidenfeld", 1991 г.

Н. Пахомова отмечает, что многочисленные публикации С. Довлатова не могли остаться незамеченными: "американские критики определяли довлатовский взгляд на вещи как чисто русский, но заметили в его рассказах и американскую откровенность, и американский лаконизм (К. Карбо). Особенно выделяли характер присущего ему юмора – дружелюбный, антидраматический, легкий (Е. Хоффман). Многие говорили об отсутствии стереотипных славянских излишеств стиля, о виртуозном владении подтекстом, о несентиментальной иронии и самоиронии" [19].

С. Довлатов много и плодотворно сотрудничал и с эмигрантскими издательствами. Так, за годы эмиграции писатель выпустил двенадцать книг на русском языке: "Соло на ундевуре" (Париж: "Третья волна", 1980), "Компромисс" (Нью-Йорк: "Серебряный век", 1981), "Зона. Записки надзирателя" (Ann Arbor: "Эрмитаж",

1983), “Чемодан” (Тенафлу: “Эрмитаж”, 1985), “Записные книжки” (Нью-Йорк: “Слово – Word”, 1990), “Филиал” (Нью-Йорк: “Слово – Word”, 1990). и др. Две книги С. Довлатовым были написаны совместно с В. Бахчаняном и Н. Сагаловским – “Демарш энтузиастов” (Париж: “Синтаксис”, 1985) и с М. Волковой – “Не только Бродский: Русская культура в портретах и анекдотах” (Нью-Йорк: “Слово – Word”, 1988).

Таким образом, благодаря своему таланту и профессиональным переводам Энн Фридман, С. Довлатова стал печатать один из самых известных журналов Америки – “Нью-Йоркер”. Юмор прозаика и его особая манера письма импонировали журналу. Эти публикации помогли писателю войти в американскую литературу. Его книги на русском и английском языках выходят одна за другой и становятся популярными как среди русских эмигрантов, так и среди американских читателей.

Живя в Америке и занимаясь журналистикой и литературной деятельностью, С. Довлатов не расставался с мыслью попасть в Голливуд. По словам А. Гениса, писатель понимал, что путь к известности за границей лежит через кино. Он много думал о том, чтобы написать сценарий для Голливуда и более того – освоить жанр киносценария. К сожалению, реализовать свои замыслы он так и не успел.

Л. Штерн, автор книги “С. Довлатов – добрый мой приятель”, вспоминает, что С. Довлатов получил предложение от режиссера Я. Бронштейна написать сценарий для полнометражного художественного фильма о жизни русских эмигрантов. Писатель загорелся этой идеей и пригласил в соавторы Л. Штерн. Главная идея фильма – показать жизнь русских эмигрантов в Америке, но не “вообще” абстрактной русской эмиграции, а различных её слоёв. В этой работе была заинтересована Columbia Broadcasting System (CBS) – вторая по значению независимая телерадиовещательная компания США. Вице-президентом компании в то время была Эстер Шапиро, предложившая С. Довлатову и Л. Штерн написать сценарий, который после долгих споров и обсуждений был готов под названием “Солнечная сторона улицы”.

С. Довлатов и Л. Штерн отправили заявку, но Эстер Шапиро в последний момент отказала им в сотрудничестве: она не решилась финансировать этот проект. Попытки предложить сценарий другим студиям также не увенчались успехом: авторы понимали, что шансов пробиться в Голливуд “без приглашения” у них практически нет. “Мы решили, – пишет Л. Штерн, – не подвергать себя напрасным унижениям. Дорога в Голливуд показалась нам слишком крутой и тернистой” [9, 310]. Так, С. Довлатов в очередной раз убедился, что Америка – страна невероятных возможностей и несбывшихся надежд.

Книги С. Довлатова выходили в Америке одна за другой каждый год, однако жить только на литературные заработки его семья не могла. Писателю снова, как и в Советском Союзе, пришлось взяться за журналистику: он начинает работать на радио “Свобода”. Радиостанция “Свобода”, с момента своего основания в 1953 году, предоставляла трибуну опальным и неконформистски настроенным политическим деятелям, перебежчикам, “отказникам”, диссидентам, известным творческим работникам Советского Союза и стран Восточной Европы. Постоянными сотрудниками “Радио Свобода/Радио Свободная Европа” были

А. Галич, А. Гладилин, П. Вайль, А. Генис. Частыми гостями и внештатными сотрудниками – В. Аксёнов, В. Войнович, В. Некрасов, А. Синявский и др. На волнах радиостанции читали их литературные произведения, философские эссе, мемуары; часто устраивались “круглые столы” и диспуты на культурные и политические темы. Благодаря радио “Свобода” аудитория в СССР и Восточной Европе смогла познакомиться со многими произведениями, известными только в “самиздате”. Именно сюда приходил С. Довлатов два-три раза в неделю, будучи нештатным сотрудником и участвуя в общей культурной программе “Поверх барьеров” и в персональной – “Писатель у микрофона”.

Многие считали выступления С. Довлатова на радио такими же произведениями искусства, как и его рассказы. По словам Е. Довлатовой, “он всегда старался вкладывать в них всё своё мастерство. Но для него эта работа оставалась второстепенной по отношению к его писательскому труду. Писатель успел устать от журналистики как от работы ради денег. Ему хотелось заниматься только книгами, однако позволить этого себе не мог” [4, 402]. А. Генис, на оборот, утверждает, что С. Довлатов признавался в своём желании даже бесплатно работать на радио, так как говорить в микрофон на весь Советский Союз – было для него большим искушением. Понимая всю ограниченность такой работы, он высоко её ценил.

Поэтому можно согласиться с исследователями творчества С. Довлатов, что работа на радио стала важным и значимым этапом жизни писателя в эмиграции. С. Довлатов неоднократно указывал в своих письмах на неудовлетворённость этой деятельностью, но это был единственный способ для него представлять свою прозу. Именно радио “Свобода” познакомило писателя с тогда ещё советским читателем и сделало его имя известным в стране.

Последние несколько лет перед смертью С. Довлатов планировал съездить на родину: во-первых, ему были интересны процессы преобразований в стране, и он хотел своими глазами увидеть происходящее; во-вторых, в это время его стали печатать в Союзе, где он сам занимался своими издательскими делами.

Признание С. Довлатова-писателя в Америке, возвращение к читателям на родине не избавили его, к сожалению, от глубокой депрессии в последний год жизни. С. Довлатов понял, что тем для диалога с читателем у него нет: творческие ресурсы исчерпаны. По словам Е. Клепиковой, причин для хандры было много: работа на радио, которая забирала много сил и энергии, приезды московско-питерских гостей, а также частые запои. “Что скрывать – пишет Е. Клепикова – у Довлатова был затяжной творческий кризис. Ему не писалось – как он хотел <...>. Была исчерпанность материала, сюжетов – не только литературных, но и жизненных. Его страдальческий алкоголизм в эти месяцы – попытка уйти, хоть на время, из этого тупика, о который он бился и бился. Очень тяжело ему было перед смертью” [2, 102].

Правда, о смерти С. Довлатов не помышлял – она не входила в его планы. “Последние три месяца жизни он мог говорить, что из следующего запой не выберется, но в глубине души он в смерть для себя не верил” [7]. Писатель очень хотел отметить пятидесятилетие и подготовил к нему книгу под названием “Рассказы”.

Многие из тех, кто приезжал из перестроечной России, старались донести до С. Довлатова вести о том, что в редакциях о нем спрашивают, хотят печатать, отзываются с восторгом. Однако С. Довлатов оставался безучастен. Е. Клепикова пишет: "Его уже не радовали ни здешние, ни тамошние публикации, ни его невероятное регулярное авторство в "Нью-Йоркере", ни переводные издания его книг. Все, чего он так душедробительно добивался, к нему пришло. Но как он говорил: "Слишком поздно" [2, 101–102]. За долгие годы хождений по советским редакциям у писателя накопилось слишком много отрицательных эмоций и ни одной положительной. "Те клетки в его организме, что ведают радостью, просто отмерли", – делает вывод Е. Клепикова [2, 102].

С. Довлатов умер 24 августа 1990 года в Нью-Йорке от сердечной недостаточности по дороге в больницу, в машине скорой помощи. Русский прозаик похоронен на американском кладбище "Маунт Хеброн".

Таким образом, в Америке С. Довлатов в полной мере реализовал себя как прозаик. Его произведения разных жанров получили признание и публиковались в американских газетах и журналах. За двенадцать лет жизни писателя в эмиграции было издано двенадцать книг на русском и шесть на английском языках. При жизни произведения С. Довлатова были переведены на датский, шведский, финский и японский языки. Однако на родине писателя знали лишь по "самиздату" и авторской передаче на радио "Свобода". В России его произведения начали издаваться только после 1989 года. И первым значительным произведением, опубликованным на родине, стала книга "Заповедник", за которой последовали "Чемодан" и "Не только Бродский" (совм. с М. Волковой). В 1993 году в родном городе писателя (сегодня Санкт-Петербурге) было издано трехтомное собрание его сочинений.

С. Довлатов – лауреат премии американского Пен-клуба. К середине 80-х годов он добился большого читательского успеха, печатался в престижнейших американских журналах "Нью-Йоркер", где до него из русских писателей-эмигрантов печатали только В. Набокова и И. Бродского, "Партизан Ревью", "Харперз Мегезин" и "Гренд Стрит". В Нью-Йорке С. Довлатов стал одним из создателей русскоязычной газеты "Новый американец". В период эмиграции на произведения С. Довлатова было опубликовано более двухсот положительных рецензий, а такие именитые американские писатели, как Курт Воннегут, Джозеф Хеллер и Ирвинг Хау отзывались о нём самым лестным образом. Ценили С. Довлатова и русские писатели-эмигранты – И. Бродский, В. Некрасов, Г. Владимов, В. Войнович и др. В 1990 году С. Довлатов вошёл в число двадцати наиболее престижных авторов США.

Література

1. Аловерт Н. Нью-Йорк : надписи и фотографии / Н. Аловерт // Малоизвестный Довлатов : сборник. – СПб. : АОЗТ Звезда, 1995. – 512 с.
2. Довлатов С. Сквозь джунгли безумной жизни : письма к родным и друзьям / С. Довлатов. – СПб. : Звезда, 2003. – 452 с.

3. Довлатов С. Д. Эпистолярный роман / С. Д. Довлатов, И. М. Ефимов. – М. : Захаров, 2001. – 486 с.
4. Клепикова Е. Мытарь [Электронный ресурс] / Е. Клепикова. – Режим доступа : http://www.pseudology.org/Dovlatov/Podrugii/Klepikova_Elena.htm.
5. Ковалова А. Довлатов / Анна Ковалова, Лев Лурье. – СПб. : Амфора, 2009. – 441 с.
6. Орлова А. Блеск и нищета “Нового американца” [Электронный ресурс] / А. Орлова. – Режим доступа : <http://www.vestnik.com/issues/2002/0515/win/orlova.htm>.
7. Пахомова Н. Наш человек в “Нью-Йоркере” [Электронный ресурс] / Н. Пахомова. – Режим доступа : <http://www.sergeidovlatov.com/books/pahomova.html>.
8. Соловьёв В. Довлатов вверх ногами : трагедия весёлого человека / В. Соловьёв, Е. Клепикова. – М. : Коллекция “Совершенно секретно”, 2001. – 192 с.
9. Штерн Л. Довлатов – добрый мой приятель / Л. Штерн. – СПб. : Азбука-классика, 2005. – 352 с.

Анотація

У статті систематизуються та узагальнюються матеріали, що розкривають складну атмосферу американської дійсності, в якій жив та творив С. Довлатов. Стаття розкриває проблеми адаптації письменника до умов еміграції та збереження ним його творчої індивідуальності та стилю.

Ключові слова: еміграція, “Новий американець”, “колонки редактора”, “Нью-Йоркер”, радіо “Свобода”.

Аннотация

В статье систематизируются и обобщаются материалы, раскрывающие сложную и неоднозначную атмосферу американской действительности, в которой жил и творил С. Довлатов. Статья также рассматривает проблемы адаптации писателя в условиях эмиграции и сохранения им его творческой индивидуальности и стиля.

Ключевые слова: эмиграция, “Новый американец”, “колонки редактора”, “Нью-Йоркер”, радио “Свобода”.

Summary

The article summarizes and systematizes materials revealing difficult local conditions in which S. Dovlatov lived and worked in America. The article also deals with the problems of author's adaptation to emigration and writer's abilities for preserving his literary identity and style.

Keywords: emigration, “New American”, “editor's articles”, “New-Yorker”, radio “Liberty”.

УДК 821.162.1–3

Варфоломєєва Н.,
аспірант,
Київський національний університет
імені Тараса Шевченка

“GENTE RUTHENUS, NATIONE POLONUS”. “РУСЬКИЙ” МОТИВ У “ВОЛИНСЬКІЙ ПОВІСТІ” ТОМАША АВГУСТА ОЛІЗАРОВСЬКОГО “ХРЕСТ НА ПЕРЕДИЛІ” (“ТОПІР-ГОРА”)

Творчість представників “української школи” в польському романтизмі займає особливе місце у польсько-українській літературній спадщині ХІХ століття і має як беззаперечну художню цінність, так і цілком очевидне історико-культурне значення